

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 84(4Гем)5-4
В35

*Печатается по изданию: Э. Вернер. Полное собрание сочинений. Т. 7.
Мираж, роман. Цветок счастья, повесть.
Перевод с немецкого. Издание А. А. Каспари,
С.-Петербург, ул. Лиговская, 114, 1915 г.*

Вернер Э.

В35 Цветок счастья / Э. Вернер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 188 с. — (Любовь глазами Элизабет Вернер).

ISBN 978-5-521-77817-1

Сын тайного советника молодой красавец Генрих Кронек приехал в особняк Рефельдов с единственной целью — познакомиться со своей невестой Кетти. Но увидев свою будущую тещу, утонченную светскую львицу Эвелину, молодой человек совершенно потерял голову...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77817-1

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

1

Под песни метели, под грохот потока
Над бездной клубящихся вод
На скалах угрюмых высоко-высоко
Цветок одинокий цветет.
К нему нет дороги, и лишь вечерами
На гребне угрюмой скалы
Терзают добычу и машут крылами,
И клекчут сердито орлы.
Волшебную силу цветок сохраняет.
Тому, кто его оборвет,
Он счастья ключи золотые вручает
И горе в замену берет.
Но скалы чернеют угрюмо и строго,
Но мечется злобный поток...
Лишь смелым над пропастью ляжет дорога,
Лишь им улыбнется цветок-недотрога,
Волшебный, стыдливый цветок.

Молодой человек, только что прочитавший это стихотворение, опустил лист бумаги на колени и заявил с комической торжественностью:

— Итак, господа, теперь вам известно, где нужно искать свое счастье. Среди тысячи цветов необходимо найти именно

тот, о котором говорится в только что прочитанных строках. Что касается меня, то я пушусь на его поиски сейчас же, как только этот прекрасный май перестанет поливать нас осенним дождем и пронизывать холодным ветром.

Действительно, несмотря на конец мая, погода стояла ненастная, что, впрочем, часто бывает в горах. Крупные капли дождя непрерывно барабанили в стекла окон, а низко нависшие тучи покрывали горы и лишь изредка позволяли видеть их смутные очертания. Однако чем неприветливее была погода, тем уютнее казалась гостиная на роскошной вилле, находившейся в самом живописном месте горной долины. Со вкусом обставленная комната, украшенная коврами, картинами, альбомами и разными безделушками, производила особенно приятное впечатление. По всей обстановке этой гостиной можно было заключить, что владельцы виллы — очень богатые люди.

Несмотря на весну в камине, вокруг которого разместилось небольшое общество, пылал яркий огонь. В широком, глубоком кресле полулежала молодая женщина с очень тонкой, хрупкой фигурой. На ее прекрасном лице, бледном до прозрачности, ясно выражалось страдание, какое бывает у больных, измученных долгой, тяжелой болезнью. Темные волосы слегка вились на висках и спускались вниз двумя толстыми, блестящими косами, которые были свернуты на затылке в виде большого жгута. В повороте головы, во всех движениях бледной молодой женщины, в ее утомленной позе чувствовался полнейший упадок сил. Грустно и устало смотрели ее большие глаза, обрамленные длинными черными ресницами. Несмотря на болезненный вид, молодая женщина поражала своей какой-то особенной, чарующей прелестью. Она, несомненно, произвела сильное впечатление на молодого человека с длинными каштановыми волосами, стоявшего рядом с креслом больной красавицы и не спускавшего с нее восхищенного взгляда.

У противоположной стороны камина сидел пожилой господин с представительным видом чиновника, занимающего высокий пост. Он внимательно читал газету, по временам с чувством удовлетворения поглядывая на своего сына, только что прочитавшего стихотворение, и на его юную соседку с очаровательным детским личиком и ямочками на щеках, которая улыбаясь, смотрела на листочек исписанной бумаги.

— Это — твое собственное произведение, Генри? — спросила она.

— О, нет, нет, — поспешно ответил Генрих, — я только перевел на удобопонятный язык то народное поверье, которое распространено в этой местности. Мне его сообщил старый Амвросий на своеобразном горном наречии, а я перевел его, чтобы прочитать вам, госпожа Рефельд, и тебе. Что касается поэзии, то я покончил с ней навсегда, с тех пор, как Гвидо подверг беспощадной критике мое первое стихотворение, попавшееся ему на глаза.

— Вот как! А я и понятия не имела, что Генрих Кронек пишет стихи! — с легкой насмешкой заметила больная.

— Только один раз я совершил такое преступление, и наказание последовало сейчас же вслед за действием. Гвидо, на суд которого я представил свое несчастное произведение, так строго осудил его, что я немедленно же собственноручно сжег свое детище.

— И с тех пор Генри совершенно исцелился от своего недуга, — улыбаясь, проговорил Гвидо, не отходя от кресла госпожи Рефельд. — Сердись — не сердись, милый Генрих, но между друзьями должна быть полная искренность. Ты прекраснейший товарищ, незаменимый собеседник, обладаешь всевозможными качествами, но поэзия тебе не дается. Как ни старайся, у тебя не выйдет ничего, так как у тебя, к сожалению, нет ни малейшего таланта. Это говорю тебе я, Гвидо Гельмар!

— Знаменитый поэт! — в тон Гельмару насмешливо закончил Генрих. — Как видишь, я покорно склонил свою голову

перед твоим авторитетным заявлением и с поэзией покончил навсегда. Ну, а как ты думаешь, Кетти, не отправиться ли нам вдвоем — тебе и мне — на поиски цветка счастья? Приключений у нас в пути будет немало, так как придется взбираться ввысь, к самому небу, но я буду твоим защитником, рыцарем без страха и упрека.

— О, я с удовольствием пойду за счастьем хоть на край света! — весело воскликнула молодая девушка.

— Не понимаю, Генрих, какого счастья тебе еще нужно? — вмешался в разговор Гельмар. — У тебя есть завидная способность всегда чувствовать себя довольным. Ты весело скользишь по поверхности жизни, никогда не заглядывая в ее глубину. Далеко не все обладают таким даром.

— Ты очень любезен, Гвидо, благодарю за лестное мнение о моем легкомыслии, — сухо заметил Генрих и, подойдя к госпоже Рефельд, передал ей написанное стихотворение.

Оба товарища были приблизительно одного возраста, но по внешности резко отличались друг от друга. У Гвидо Гельмара был вид настоящего поэта. Его лицо с тонкими, правильными чертами носило печать гражданской скорби; темные глаза были мечтательно устремлены вверх, а длинные вьющиеся волосы живописно падали на плечи. Гельмар был небольшого роста, что приводило его в отчаяние и заставляло принимать разные пластические позы, чтобы как-нибудь поднять свою незаметную фигурку. В настоящий момент Гвидо опирался одной рукой на спинку кресла, в котором полулежала Рефельд, а в другой вертел цветок, взятый из вазы.

Генрих Кронек был, наоборот, высок и строен. Он на целую голову перерос своего приятеля. Его живые, веселые глаза сверкали отвагой и юмором. Каштановые волосы иногда падали на его открытый, высокий лоб, и он быстрым движением головы откидывал их назад и проводил левой рукой по лбу. Правая рука молодого человека была перевязана черной повязкой, так как была ранена, но, очевидно, не доставляла

особенно сильного страдания Генриху, потому что его лицо поражало здоровьем и свежестью.

— Меня удивляет, как быстро Генри усвоил местное наречие, — задумчиво сказала Кетти. — Всего две недели как он здесь, а все понимает и сам говорит. Мы с мамой прожили тут в прошлом году несколько месяцев и до сих пор не в состоянии объясняться со здешними жителями.

— Потому что вам не приходилось иметь с ними дела. Вы привозите из города всю прислугу и почти никогда не говорите с местными уроженцами. А я подружился со стариком Амвросием, благодаря чему все здешние крестьяне смотрят на меня, как на равного, и принимают с распростертыми объятиями.

— Ну, на твоём месте я избегал бы подобного знакомства, — вмешался в разговор пожилой господин, складывая газету. — Я вообще не понимаю, как может тебе доставлять удовольствие беседа с таким невежественным мужиком, как этот Амвросий? Для того чтобы повидаться с ним, ты взбираешься на горы со своей раненой рукой! Неужели тебе хочется, чтобы опять случилось какое-нибудь несчастье? Ещё не успела зажить рука после падения при бешеной скачке на лошади, а ты опять готов сломать её.

— Вы совершенно правы, генерал! Да, вследствие «бешеной скачки» с Генри и случаются несчастья! — многозначительно подтвердил Гельмар, бросая насмешливый взгляд на забинтованную руку приятеля.

— Не брани Амвросия, папа, — недовольным тоном заметил Генрих. — Тебе непременно нужно познакомиться с ним; это такой оригинальный тип, какого можно встретить только в этих диких краях, среди высоких гор.

— Оставь меня в покое со своими «оригинальными типами», — проворчал сановник. — Третьего дня мне уже пришлось познакомиться с подобным «оригинальным типом», и я настолько удовлетворен им, что не желаю больше никаких местных знакомств.

— Вы знаете, Эвелина, — обратился он к госпоже Рефельд, — я был у доктора Эбергарда, который поселился не-вдалеке от вас. Я слышал о нем в столице, как о крупной величине в медицинском мире, и хотел воспользоваться его соседством для того, чтобы он посетил вас и высказал свое мнение относительно вашей болезни. Однако он принял меня так, что мне не удалось даже произнести ваше имя. Он набросился на меня, как полоумный, и начал кричать, чтобы его оставили в покое. «Я уже давно отказался от практики, — заявил он, — и послал к черту всех больных. Имею же и я право когда-нибудь отдохнуть! Обратитесь к местному врачу, а у меня нет ни времени, ни желания ходить к вашим больным!» Продолжая осыпать меня подобными любезностями, он захлопнул дверь перед моим носом. Можете себе представить, в каком я был восторге от этого знакомства!

Гнев старого Кронека был так комичен, что все засмеялись; даже больная не могла удержаться от улыбки.

— Я уже слышала о докторе Эбергарде и о его странных привычках, — тихо проговорила она. — Он — совершенный чудак.

— Из самой неприятной категории чудаков, — подтвердил генерал. — Может быть спокоен, я не подойду больше к нему даже на расстояние пушечного выстрела.

— Ах, дядя, но представьте себе, что это чудовище может помочь моей мамочке, — воскликнула Кетти. — Если вам не удалось уговорить его, то я сама отправлюсь к этому доктору Эбергарду и не отстану от него до тех пор, пока он не даст обещания прийти к нам.

С последними словами молодая девушка подошла к Эвелине и обвила руками ее шею. Странно было видеть в этих двух женщинах мать и дочь, так как разница в их возрасте была слишком незначительна. Эвелине можно было дать по виду не более двадцати трех лет, а ее падчерице недавно исполнилось шестнадцать.

— Нет, дитя мое, не делай этого, — возразила больная, ласково поглаживая рукой вьющиеся волосы Кетти, — ты будешь так же грубо принята доктором, как и твой дядя. Да и к чему мне этот Эбергард? Мне никто не в состоянии помочь!

— О, мама, не говори так! — с нежным упреком воскликнула девушка, опускаясь на колени перед мачехой.

— Разве вы чувствуете себя хуже? — мягким, мелодичным голосом спросил Гвидо Гельмар, склоняясь над больной. — Я боюсь, что вы слишком рано покинули юг. Май почти всегда бывает холоден и ненастен в горах, а такой нежный организм как ваш требует много тепла и солнечного света.

— Кому не нужен солнечный свет! — с легкой грустью заметила Эвелина, — но жизнь не всегда дает людям то, что им нужно и что составило бы их счастье!

— Конечно! — меланхолически подтвердил Гвидо. — Что такое жизнь вообще? Одно страдание! А счастье — лишь красивая мечта! — мрачно прибавил он, впиваясь страстным взглядом в лицо госпожи Рефельд.

— Жаль, что я не художник, — иронически воскликнул Генрих. — Можно было бы нарисовать очень трогательную группу. Кетти у ног больной и Гвидо, изрекающий такие горькие истины, так и просятся на полотно.

Гельмар сердито сдвинул брови, а в глазах Эвелины промелькнуло недовольство.

— По-видимому, все то, что трогает других, вам кажется лишь смешным, Генрих? — сухо заметила она.

— Нисколько! Стихи Гвидо, например, очень трогательны, но я не позволю себе назвать их смешными!

— Пожалуйста, не стесняйся, — со снисходительной улыбкой пожав плечами, проговорил Гельмар. — Я знаю, милый Генри, что иногда у тебя появляется желание изображать из себя критика, и тогда ты с особенным удовольствием принимаешься разбирать мои произведения, не считаясь с тем, что когда-то детьми мы играли вместе, а потом были товарищами по университету.

— Неужели ты не находишь стихи господина Гельмара прекрасными? — с наивным удивлением спросила Кетти.

— Нет, они очень красивы, но у меня органическое отвращение к «нежно поблекшим розам», к «умирающим в блаженных звуках соловьям», к погибающим в воде «белым лебедям, опускающимся на дно озера со смертельной раной в груди», и так далее. Гвидо больше всего любит такие мрачные мотивы; это его специальность.

Гельмар закусил губу. Откровенность, которую он только что ставил непременным условием дружбы, на этот раз, по-видимому, была ему неприятна. Однако его самолюбие было удовлетворено, когда все присутствующие возмутились словами Генриха.

— Ты заходишь слишком далеко, Генрих! — недовольным тоном заметил Кронек. Это возмутительно! — проворчала Кетти, надувая губки.

Эвелина недовольным взглядом окинула Генриха и тихо произнесла:

— Мы все знаем, что вы — безбожный насмешник, Генрих, но я думала, что талант вашего друга не может быть для вас предметом издевательства!

— Господи, какая буря поднялась из-за моего откровенного мнения, — смеясь, воскликнул Генрих. — Весь свет преклоняется перед признанным поэтом и проклинает дерзкого, осмелившегося сказать слово против него. Униженно прошу прощения и обещаю, что больше этого не будет.

Однако молодому человеку не удалось превратить все дело в шутку. Гельмар был, по-видимому, серьезно оскорблен, и все общество чувствовало себя в каком-то неловком положении. К счастью, как раз в эту минуту дверь из столовой открылась, и вошедший лакей доложил, что кушать подано. Все облегченно вздохнули и поднялись со своих мест. Гвидо поспешил предложить руку хозяйке дома; казалось, что он считал это своим неотъемлемым правом. Да и действительно, едва ли кто-нибудь другой мог бы вести ее более заботливо